

Ткаченко В.Н.
Дорошенко Н.П.

В уповании на «новый мировой порядок»

УДК 327.2(477)

Ткаченко В.Н.,
доктор исторических наук,
член-корреспондент Национальной
академии педагогических наук Украины
Дорошенко Н.П.,
кандидат исторических наук, доцент,
посол по особым поручениям
Министерства иностранных дел
Украины

Россия дестабилизирует обстановку на востоке Украины, прибегая к логике и фразеологии геополитики; Европа становится не только идеологическим оппонентом, но и геополитическим соперником России.

Ключевые слова: геополитика, российская агрессия, украинский кризис, сепаратисты, «гибридная война», аннексия Крыма, ЛНР и ДНР.

Росія дестабілізує обстановку на сході України, вдаючись до логіки й фразеології геополітики; Європа стає не лише ідео-

логічним опонентом, але й геополітичним суперником Росії.

Ключові слова: геополітика, російська агресія, українська криза, сепаратисти, «гібридна війна», анексія Криму, ЛНР і ДНР.

Russia has been destabilizing situation in Eastern Ukraine using logic and phraseology of geopolitics; Europe not only becomes Russia's ideological opponent, but also its geopolitical rival.

Key words: geopolitics, Russian aggression, Ukrainian crisis, separatists, "hybrid war", annexation of Crimea, Donbass, LNR and DNR.

Аналитики, присутствовавшие 6-8 февраля 2015 года на Мюнхенской конференции по безопасности и сотрудничеству, отметили какой-то элемент безысходности в постановке дискуссионных проблем: «Мир-2015: разваливающийся порядок, бессильные хранители», или же – «Конец Ближнего Востока?». И вряд ли тогда это было неожиданностью: «Фон у высокого собрания аховый. На Востоке Украины не просто продолжительные бои, но, по сути, прекратились какие-либо попытки остановить насилие. А «Исламское государство» проявляет все более дикую жесткость, запугивая своих противников изощренными казнями, выставляемыми на всеобщее обозрение» [1].

Неужели события в мире пошли «по Хантингтону», в результате чего мы получили «столкновение цивилизаций»? Судя по всему, вряд ли. Наверное, все-таки под цивилизационным покровом происходит столкновение исторических эпох, тектонических плит отдельных общественно-экономических формаций. А цивилизационный фактор вносит в этот процесс определенное культурно-историческое наполнение.

Взять хотя бы принцип суверенитета и нерушимости границ. В европейском идеале границы не упраздняются, а плавно растворяются в сообществе, становятся условными под воздействием «soft power». В итоге – европейцы пересекают свои границы в комфортных автомобилях. Но, в противоположность Европе, в евразийской традиции России торжествует «hard power». А потому россияне за границу, как уж водится, ездят на танках. Тут следует вспомнить и ГДР 1953 г., и Венгрию 1956 г., и Чехословакию 1968 г., и Грузию 2008 г. Так что аннексия Россией Крыма и вторжение ее «добровольцев» в восточные области Украины в 2014 г. – всего лишь продолжение имперской традиции «сплочения» соседних народов в «Союз нерушимый».

А тем временем мир преисполнен неизбывной тоской по «Новому Мировому Порядку».

Истоки мирового беспорядка

При словосочетании «новый мировой порядок» невозможно не упомянуть одного из его архитекторов – Генри Киссинджера. С высоты своего авторитета и жизненного опыта он может позволить себе высказать сомнение насчет наличия порядка и справедливости в этом мире: «Концепция порядка, лежавшая в основе современной эпохи, не выдерживает новых реалий» [2].

Придерживаясь принципов «реальной политики», этот исследователь обращает внимание на то, что долгое время поиск мирового порядка осуществлялся почти исключительно на основе понятий, господствующих в западных обществах. Опираясь на мощную экономику и военную силу, Соединенные Штаты в послевоенные годы стали мировым лидером. Соответственно, Америка определила и параметры послевоенного мирового порядка. Речь идет, прежде всего, о распространении свободы и демократии, которым приписывалась способность содействовать справедливому и прочному миру.

В этом понимании мирового порядка признавалось как данность суждение о том, что народы и государства конкурируют друг с другом в силу своей природы – так уж устроен мир. Поэтому для сдерживания их сталкивающихся амбиций необходимо опираться на баланс сил и согласие между просвещенными государственными деятелями. Согласно этой идеальной точке зрения люди склонны поступать логично, осмысленно и разумно, опираясь на здравый смысл и находя компромиссы мирным путем. Следовательно, распространение демократии является как глобальной целью, так и миссией мирового порядка. А свободные рынки, со своей стороны, должны избавить людей от бедности, обогатить общества и заменить традиционное соперничество между странами экономической взаимозависимостью.

И что бы мы ни говорили об идеализме этой концепции, но определенный порядок в международных отношениях она все же внесла. Да и

результаты налицо – большая часть территории земного шара представлена сейчас независимыми государствами. Распространение принципов демократии и представительского управления если и не стало общемировой реальностью, то, во всяком случае, стало преобладающим устремлением. Этому способствуют и глобальные коммуникации, и финансовые сети, которые работают в режиме реального времени. Так что сплав американского идеализма, а также традиционных европейских концепций государственной власти и баланса сил принес некоторые свои плоды. Беда только в том, что на обочине этого процесса оказались огромные регионы мира, в первую очередь Россия, которые, по существу, никогда и не разделяли западную концепцию порядка, а лишь вынужденно соглашались с ней в силу обстоятельств. В итоге, отмечает Киссинджер, «сегодня это стало особенно очевидно на примере украинского кризиса... Порядок, провозглашенный и установленный Западом, подошел к поворотному моменту» [2].

Вчитываясь в концепцию Киссинджера, невольно ловишь себя на мысли: а возможно ли в принципе достичь порядка в Украине при отсутствии такового в мире в целом? Начать хотя бы с такого базового общественного института, как государство. Ведь сама природа государства ныне подверглась многочисленным попыткам ревизии. Так, Европа решила, что она уже переросла старое понятие государства с его независимостью и суверенитетом, а потому взялась строить внешнюю политику преимущественно на принципах «мягкой силы». И к чему пришли? Сама Европа в целом так и не обрела многих атрибутов государственности (как долго идет согласование ряда неотложных вопросов!), но в то же время создала вакуум власти внутри самого Евросоюза и разбалансировала силовой фактор вдоль своих границ. В итоге Украине приходится на собственном опыте убеждаться, что ссылки на законность и легитимность действующей власти Киева едва ли смогут поддерживать порядок в регионе и мире в целом в отрыве от наличия силового потенциала и надлежащей согласованной стратегии. В мусульманских странах свои особенности: там распад государств провоцируют религиозно-этнические факторы. А в азиатском регионе, в противоположность европейскому, вообще преобладает принцип баланса сил независимо от легитимности тех или иных действий властей.

Новые проблемы возникли также в плоскости взаимоотношений сфер экономики и политики. Экономика становится все более глобальной, а сфера политики преимущественно остается приоритетом национального государства. Таким образом, международный порядок сталкивается с парадоксом: процветание мира зависит от успеха

глобализации в сфере экономики, но в сфере политики этот процесс приводит подчас к результатам, противоречащим главным устремлениям глобализации.

Еще одна слабость современного мироустройства – отсутствие эффективного механизма взаимодействия, международных консультаций и возможного сотрудничества. С одной стороны, в мире проводится несметное число форумов и конференций, решающих в лучшем случае тактические вопросы, а в худшем – осуществляющихся преимущественно на уровне информационных мероприятий «социальных медиа». Достаточно вспомнить, сколько было проведено различных слушаний по Украине и сколько было принято резолюций с выражением «озабоченности», а то даже и «глубокой озабоченности». Но как мало было на протяжении довольно длительного периода конкретной международной помощи в разрешении проблемы аннексии Крыма и недопущения вторжения России на территорию Донбасса! А ведь поиски оптимального порядка и в регионе Восточной Европы, и в мире в целом неотложно требовали четкой и осмысленной стратегии – и в понимании самого порядка, и в понимании механизмов его достижения и поддержания.

Постепенно мы приходим к пониманию того, что сначала надо достичь необходимого общественного консенсуса и международного взаимопонимания по ряду актуальных вопросов. А Киссинджер уже ставит эти вопросы перед Соединенными Штатами как гарантом мирового порядка XXI века. Но эти же вопросы мы можем поставить и перед украинским обществом. Например, чего нельзя допустить любыми средствами, если даже придется действовать в одиночку? Чего мы стремимся достичь любым путем, даже если другие страны не будут нам в этом помогать? Чего мы стремимся достичь или не допустить только в союзе с другими странами? Чем нам не следует заниматься, даже если нас к этому будет подталкивать какой-то альянс или многосторонняя организация? Какова суть тех ценностей, которые мы стремимся отстаивать? И в какой мере претворение этих ценностей в жизнь зависит от обстоятельств, а в какой – от наличия политической воли?

Для ответа на эти вопросы необходимо сочетание воли и стратегического мышления, мобилизации государством существующего гуманитарного интеллектуального потенциала, который подчас перебивается «самопасом», на уровне волонтерского движения. Если уж мы выбрали курс на евроинтеграцию, то должны помнить, что история не дает передышки странам, которые забывают о своем историческом предназначении. Даже ради достижения каких-то сиюминутных реальных результатов. При этом следует принять как данность то, что никакие возвышенные патри-

отические убеждения не в состоянии заменить необходимого для обороны силового потенциала и надлежащей геополитической стратегии. Демократия тоже чего-нибудь стоит лишь тогда, если умеет себя защитить.

Возвращение геополитики

А вызов времени между тем нарастает, и не факт, что страны демократии в состоянии дать на него адекватный ответ, хотя вопросы ставились на повестку дня еще в прошлом десятилетии. Именно об этом напоминает нам статья Азара Гата, помещенная в журнале *Foreign Affairs* за 2007 год. В ней утверждалось: «Не исключено, что авторитарный капиталистический строй, представленный сегодня Китаем и Россией, может стать реальным альтернативным инструментом модернизации, а это, в свою очередь, позволит предположить, что конечную победу, или преобладание в мире, либеральной демократии нельзя считать неизбежной» [3]. Во время обсуждения статьи были высказаны опасения, что «авторитарный капитализм» может послужить реальной угрозой демократическому Западу. Однако вскоре разговоры о необходимости более активного продвижения демократии утихли. Причина тому – разразившийся кризис 2008 года, который подтолкнул Запад к привлечению финансовых возможностей Китая. Понятное дело, что на этом фоне разговоры о дефиците демократии в Китае стали выглядеть как-то неуместно.

Да только вот незадача. По мере обострения мирового кризиса ведущее место в общественном сознании стал занимать фактор социальной анархии и все более совершенствуемых технологий убийства. В итоге, отмечает блестящий интеллектуал и дипломат Роберт Френсис Купер в своей книге «Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке», основное предостережение наших дней сводится к следующему: «Возможно, что распространение терроризма и оружия массового поражения служит предвестником мироустройства, в котором правительства западных стран утратят контроль над событиями». ***Это может случиться вследствие «масштабного перераспределения влияния и власти от развитых промышленных (и демократических) государств к относительно небольшим, менее стабильным и, возможно, менее заинтересованным в устойчивости мирового порядка странам. Или, что еще опаснее, оно может привести к переходу рычагов влияния от государства к отдельным личностям, в рассматриваемом случае – к террористам и преступникам»*** [4].

Обозначенная проблема, на наш взгляд, одна из основных, но практически обойденных вниманием аналитиков при рассмотрении нынешнего украинского кризиса. Какая бы проблема ни была поднята,

наша политологическая «тусовка» неизменно топчется на небольшом пяточке: «позиция Путина», «позиция Порошенко», «позиция Меркель», «позиция Обамы» и т. д. В конечном итоге все это сводится к тому, что важнейшие вопросы войны и мира как бы заведомо отдаются на откуп исключительно лидерам ведущих стран. И будто бы нет необходимости вообще анализировать объективные общественно-политические тренды наших дней, мобилизовать гражданское общество. Но это еще полдела. Появились адепты «демократического разжижения власти» в Украине в пользу провинциальной политической шпаны (Крым, ЛНР и ДНР) либо регионального олигархата. Видимо, не случайно их мнения звучат в резонансе призывов Путина решать проблему Донбасса по лекалам Чечни. Тем временем российские спецслужбы демонстрируют свое «умение решать вопросы», предлагая свои услуги и в наведении порядка в Украине. А ведь в самой-то России дело идет практически к оформлению террористического государства.

И здесь следует отдать должное широте взгляда и гражданской позиции президента Литвы Дали Грибаускайте, назвавшей Россию «террористическим государством»: «Украина сегодня борется за мир во всей Европе, за всех нас. Если террористическое государство, которое осуществляет агрессию против своего соседа, не остановит, то агрессия может распространиться по всей Европе и дальше». Интересен и показателен отзыв в блоге «Эхо Москвы» на это высказывание, где истинно русский человек откровенно и естественно для своего понимания вопрошает: «Так, когда будем брать Вильно? А Литве её историческую столицу оставим – Каунас!» [5].

Вот они, горькие плоды российской геополитики – распивочно и на вынос – для широких масс трудящихся!

Что ж, 2014 год внес корректировку в приоритет ценностей, ибо «российская весна» стала зримо представлять собой угрозу существующему миропорядку. Именно об этом шла речь в майском номере того же *Foreign Affairs*, где была помещена статья Уолтера Рассела Мида «Возвращение геополитики». В частности, в ней отмечается, что американцы и европейцы в принципе предпочли бы оставить геополитические вопросы, связанные с территориями и военной мощью, в прошлом, а вместо этого сфокусироваться на проблемах мирного порядка и глобального управления. Да не тут-то было: «Российские войска захватили Крым. Китай агрессивно претендует на акватории. Япония в ответ также ведет себя все жестче. Иран пытается использовать свой союз с Сирией и «Хезболлой», чтобы добиться господства на Ближнем Востоке». Тут уж и слепому видно, что на первый план выходит традиционное геополитическое соперничество «вроде того, которое можно увидеть сейчас на Украине».

А это, по мнению Мида, в корне меняет характер международной политики, и «по мере того, как атмосфера мрачнеет, укреплять и поддерживать миропорядок становится все сложнее». Причины этого налицо: **«Китай, Иран и Россия никогда не признавали геополитический расклад, сложившийся после холодной войны, и сейчас старательно пытаются его изменить. Этот процесс не будет мирным». А свидетельства тому мы уже сегодня видим воочию: «российская оккупация украинских земель – лишь очередной этап превращения Восточной Европы в зону острого геополитического конфликта, делающего стабильное и эффективное демократическое управление невозможным за пределами Прибалтики и Польши»** (курсив наш. – Авт.) [6].

В конечном итоге, по мнению Уолтера Мида, в новой сложившейся ситуации «Путин, несмотря на то, что карты ему выпали слабые, вполне успешно срывает западные проекты на бывшей советской территории. Он сумел застопорить расширение НАТО. Он расчленил Грузию, втянул в российскую орбиту Армению, упрочил свой контроль над Крымом, и преподнес Западу крайне неприятный и унижительный сюрприз своей украинской авантюрой. С западной точки зрения, Путин приговаривает свою страну к мрачному будущему, нищете и маргинализации. Однако Путин не считает, что история закончилась. На его взгляд, он лишь укрепил свою власть внутри страны и напомнил иностранным державам, что когти у русского медведя по-прежнему острые» [6].

Мода на «камуфляж»?

Отмеченные тренды на международной арене приводят к выводу, что нынешний мир отнюдь не только не отменяет экономическую и политическую конкуренцию между странами, но и обостряет военное противостояние. Да и этим мода на «камуфляж» не ограничивается. Существует одна неизменная еще со времен холодной войны сфера конкурентного противостояния, которая в условиях глобализации не только не отменяется, но и становится превалирующей. Речь идет о конкуренции на поле идеологической борьбы по вопросу эффективности внутриполитических моделей: социально-политических, финансовых, технологических и т. д. То есть о конкуренции методов и технологий решения национальных и глобальных задач. Вопрос, как говорится, поставлен во всей своей наготе: в состоянии ли та или другая страна предложить миру свою альтернативную модель эффективного развития.

От того, как создаваемые страной модели общественного развития воспринимаются другими, зависит роль и место этой страны в системе современных международных отношений, ее влияние на другие страны мира. А здесь выбор для

Украины, судя по всему, не так велик. Приходится констатировать, что даже Китай и Европейский Союз не ставят перед собой задачу производства глобальных моделей – их усилия направлены преимущественно на максимальный тюнинг американских моделей «под себя». В итоге Америка пока остается единственной страной, которая производит глобальные модели внутреннего развития, активно применяющиеся в других странах. А о России в условиях откровенной агрессии с ее стороны против Украины и говорить не приходится. Как пишет Николай Злобин в «Российской газете», «Россия... создала не просто непривлекательную, а отталкивающую модель внутреннего развития и продолжает двигаться в этом направлении... Не может не тревожить то, что политическое развитие России сегодня вызывает немалое отторжение в мире, даже у тех, кто потенциально мог быть ее союзником. Принимая законы, которые направлены на решение своих сугубо внутренних проблем, власти страны должны понимать, как это влияет на ее репутацию. Занимаясь укреплением «традиционных ценностей», что само по себе полезно, важно не переборщить и снова не заболеть хронической российской болезнью – отставанием от исторического времени, в котором живет быстро убегающий вперед мир» [7].

В этой обстановке вакуума альтернативных демократических идей вряд ли стоит сбрасывать со счетов формирование некоего «авторитарного Интернационала» в составе Китая, России и Ирана. Как писал в октябре 2014 года председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике России Федор Лукьянов, сейчас идея о том, что Россия и Китай несут Америке совместную угрозу, возродилась вновь, но совсем на другой основе: «сейчас объективные обстоятельства, необходимость выживания толкают нелиберальные системы друг к другу. В последнее время много говорят о военной силе, вернулась тема классического противостояния. Нарастивание военной мощи Россией и Китаем, дискуссии в Соединенных Штатах о возможном ответе это подтверждают. Однако на деле куда более важной оказывается другая мобилизация – сплочение общества для идейно-информационного отпора. Не случайно, по слухам, российский и китайский лидеры во время встреч уделяют куда больше внимания обмену опытом по сохранению внутренней стабильности, чем дискуссиям об энергетике или американской гегемонии». Так, в свое время Китай проявлял большой интерес к российской концепции «суверенной демократии». Сейчас же фактически происходит российско-китайское сближение именно на идейной почве: российская власть с интересом изучает китайские разработки по контролю над Интернетом, а руководство КПК изучает российские начинания по национализации

элит, а также по нелиберальной работе с неправительственными организациями». Общий вывод Лукьянова: «консерватизм сближает» [8].

И куда же ведет это сближение на консервативной, а то даже и архаичной основе? Об этом напомнил Джеффри Тейлер в журнале *Foreign Policy* 5 сентября 2014 года, приводя слова Путина при встрече с молодежью на озере Селигер: «Россия является одной из наиболее мощных ядерных держав. Это не слова, это реалии». И здесь Путину трудно что-нибудь возразить. И он это знает, а потому и не устает повторять, как, например, 14 августа этого же года, во время своего выступления в Ялте перед собравшимися там представителями думских фракций, что скоро он планирует «обрадовать Запад нашими новыми разработками в области наступательных вооружений, о которых мы пока не говорим». И все это звучит в тот момент, когда не утихают обвинения по поводу участившихся нарушений российскими стратегическими ядерными бомбардировщиками и истребителями воздушного пространства США и западноевропейских стран, а в глубинах мировых океанов российские и американские атомные подводные лодки ведут противоборство, напоминающее худшие дни холодной войны. В то время, когда лидеры НАТО в сентябре 2014 года собрались на свой саммит в Уэльсе, Россия объявила о проведении беспрецедентных по размаху учений своих стратегических ядерных сил. В этом же ряду стоит и заявление Кремля о том, что он внесет поправки в военную доктрину с учетом роста напряженности в отношениях между Россией и НАТО. Пока еще до конца не понятно, что это значит, но ввиду усиливающейся напряженности с западным альянсом в этом нет ничего хорошего [9].

Куда ведут тренды?

Все это – не просто частные примеры, а показательные фрагменты уже достаточно явно определившихся общественно-политических трендов. А если подвести краткий итог прошедшего 2014 года, то в целом подтверждается мнение, высказанное в свое время Хедли Буллом в его классическом труде «Анархическое общество» [10]. Речь идет о том, что в мире всегда происходит столкновение сил порядка и беспорядка, причем характер эпохи зависит от баланса между ними. Источником порядка являются государства, организации и лица, приверженные имеющимся международным правилам и договоренностям, а также заранее определенному процессу их изменения. Источник беспорядка – государства, организации и лица, отвергающие эти правила и договоренности в принципе, считающие себя вправе игнорировать или подрывать их. На баланс между этими силами могут влиять мировые тенденции, в какой-то степени неподконтрольные правительствам и создающие контекст для выбора актеров. **В наши**

дни баланс порядка и беспорядка смещается в направлении хаоса. Причины отчасти носят структурный характер, но некоторые из них являются следствием неправильного выбора значимых игроков. Их ошибки следует регулярно вскрывать и предавать общественному мнению, что позволит, по крайней мере частично, их исправлять.

Здесь было бы уместно прислушаться к озвученности и самой российской общественности. По мнению заведующего отделом социологии и социальной психологии ИНИОН РАН Дмитрия Ефременко, «**Украина лишь открывает серию конфликтов, которыми сопровождается становление полицентричной системы международных отношений. Необходим многосторонний механизм раннего предупреждения и урегулирования кризисов в Европе и северной Евразии**» [11].

Все это верно. Однако, отметим мы, не все так печально в нашем европейском доме. Так, например, в последнее время точка зрения на украинскую проблему стала обретать все более отчетливые контуры. Отвечая в октябре 2014 года на вопрос журналистов «Может ли администрация Обамы описать то, что происходит в Украине, как вторжение в эту страну?», Збигнев Бжезинский констатировал: «Я думаю, в первую очередь, мы должны отметить, что, на самом деле, это мнение разделяет большая часть международного сообщества. А как это еще назвать? Российские войска переходят границу. Российские танки пересекают границу. Россия постоянно ведет артиллерийские обстрелы через границу. Кроме того, там есть и пророссийски настроенные украинцы, которых вооружила Россия. Это военная операция, направленная против соседнего государства, и, следовательно, она является серьезной угрозой для всего мира» [12].

Впоследствии, как это видно из резолюций Конгресса США, а также Европарламента и Совета Европы, отношение к России как к агрессору становилось все более однозначным. Как украинские власти, так и США и ЕС расценивают ныне факт присоединения Крыма и Севастополя к России не иначе, как аннексию, и не признают законность этого присоединения. Например, президент США Барак Обама заявил, что «Соединенные Штаты также будут продолжать поддерживать суверенитет и территориальную целостность Украины, так как это способствует мирному урегулированию конфликта на востоке страны и возвращению Крыма» [13].

Сейчас Европа как бы опомнилась, отошла от шока грубой аннексии Крыма. Она осмысливает события прошедшего года уже в более адекватных категориях. В частности, 15 января 2015 года Европейский парламент принял очередную резолюцию по Украине. В ней значится, что незаконная

аннексия Крымского полуострова является первым в Европе со времен Второй мировой войны случаем насильственного присоединения части одной страны к другой и нарушением международного права, включая Устав ООН, Хельсинкский заключительный акт и Будапештское соглашение 1994 года. Этот документ содержит в себе не просто осуждение агрессивных действий России, но и (наконец-то!) предложение к странам-членам о предоставлении Украине летального оружия.

Перспективы

Конечно, лучше бы решать вопросы без летального оружия. Многие будут зависеть от выполнения договоренностей «Минск–2». Но это уже будет следующая страница в истории как Украины, так и Европейского Союза. И какой она будет, во многом будет зависеть от того, насколько Украина выйдет из поля российского регионального доминирования. А пока что ведущие российские аналитики не сулят нам покоя. Не утверждая однозначно, что «Минск-2» обречен, они без тени сомнения предрекают: «Однако украинская драма точно не закончится, а круги от нее продолжают расходиться по европейской политике, провоцируя новые кризисы» [14].

На чем основываются их рассуждения? Как мы уже отмечали выше, есть много стран и народов в мире, которых не удовлетворяет существующий порядок. Многие из них приобрели уже достаточный экономический и военно-политический вес. В России считают, что «накопившаяся у значительной части человечества усталость от безальтернативности Запада открывает возможности. Пусть даже никакой идеологии Москва сейчас предложить не может, но разумно поданный антигегемонистский пафос найдет отклик». А пока что, советуют они, России следует найти взаимопонимание с Западом на тот счет, что Россия и не претендует на ревизию глобальных правил игры, а ситуацию вокруг Украины предлагает рассматривать просто как некие «бои местного значения». Вот эту ситуацию Европе и следует передать России для регионального урегулирования, поскольку, дескать, «битва за Украину, изменившая всю нашу жизнь за прошлый год, в мировом контексте представляет собой локальный эпизод, за которым большинство человечества наблюдает как за чем-то глубоко посторонним». Тем более, считает Федор Лукьянов, что «итоги Минска укладываются в общую линию России». В чем состоит эта линия, следует из слов самого российского аналитика: «Россия добивалась трансформации Украины, превращение ее в государство, само устройство которого ограничивало бы принятие определенных решений, прежде всего о членстве в НАТО. В минских договоренностях это намечено – конституционная реформа с приданием территориям (как минимум ДНР и ЛНР) полномочий, которые превращают их

во встроенный предохранитель. Все остальное, в общем, технические детали (хотя и крайне существенные), которые должны облегчить и сгладить движение к этой цели» [14].

Свое внезапное «миролюбие» по отношению к Западу путинская Россия демонстрирует таким образом: после Второй мировой войны СССР обезопасил себя созданием буферной зоны в Восточной Европе, что привело к разделу Европы. А сейчас, мол, всего и мороки-то: «что-то вроде раздела Украины – в мягкой форме, но тоже с прицелом на буфер с восточной стороны... К глобальным правилам игры это не имеет отношения. Минск не является ни моделью, ни прецедентом. Наиболее близкая параллель – Дейтонское соглашение о Боснии, о котором не раз вспоминали. Войну оно прекратило, эффективной государственности не создало» [14].

Что можно сказать в этом отношении? Своей жизненной практикой мы доказали, что «Украина не Россия». Но на это ушло свыше 300 лет. На то, чтобы доказать, что «Украина – не Босния», думаем, уйдет времени на порядок меньше. Можно привести пример Хорватии: для решения вопросов территориальной целостности ей понадобилось 7 лет. При этом не стоит забывать, что в независимой Украине выросло лишь только первое поколение. На порядке дня – формирование второго, а затем и третьего поколения! Они-то и решат окончательную судьбу Украины.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лукьянов Ф. Торжество Средневековья / Ф. Лукьянов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Torzhestvo-Srednevekoviya-17282>
2. Киссинджер Г. Как сконструировать Новый мировой порядок / Г. Киссинджер // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Kak-skonstruirovat-Novyi-mirovoi-poryadok-16911>
3. Гат А. Возвращение авторитарных великих держав / А. Гат [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://inosmi.ru/world/20070712/235498-print.html>
4. Роберт Купер. Раздор между народами. Порядки хаоса в XXI веке / Купер Роберт; пер. с англ. яз. – М.: Московская школа политических исследований, 2010. – С. 11.
5. Эхо Москвы. Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа : echo.msk.ru/news/1440770-rcho.html
6. Мид У.-П. Возвращение геополитики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://inosmi.ru/foreignaffairs_org/20140501/219969078-print.html
7. Злобин Н. О моделях / Н. Злобин // Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rg.ru/printable/2013/08/21/modeli.html>
8. Лукьянов Ф. Консерватизм сближает / Ф. Лукьянов // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Konservativizm-sblizhaet-17019>

9. Тейлер Дж. Готов ли российский президент начать третью мировую войну? / Дж. Тейлер [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://inosmi.ru?russia/20140905/222815358-print.html>

10. Семигин Ю. Г. Антология мировой экономической мысли. Булл Хэдли / Ю. Г. Семигин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/49.php

11. Ефременко Д.В. За флажки / Д.В. Ефременко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Za-flazhki-16764>

12. Бжезинский З. Характер игры меняется. Запад принимает твердую позицию по России / З. Бже-

зинский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://obozrevatel.com/politics/31597-bzhezinskij-harakter-igryi-menaetsya-zapad-sejchas-prinimaet-verduyu-pozitsiju-po-rf.htm>

13. Обама обещает властям Украины помощь в возвращении Крыма [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://conflict.rbc.ua/rus/obama-obeshchaet-vlastyam-ukrainy-pomoshch-v-vozvrashchenii-kryma-27102014182100>

14. Лукьянов Ф. Ялта местного разлива / Ф. Лукьянов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Yalta-mestnogo-razliva-17294>